СЛОВО

на погребеніе вѣ Богѣ почившаго Святѣйшаго Правительствующаго Сунода Члена, Высокопреосвященнѣйшаго Августина, Архіепископа Московскаго и Коломенскаго, Свято-Троицкія Сергіевы Лавры Священно-Архимандрита и орденовъ: Св. Александра Невскаго и Св. Анны первой степени Кавалера,

ГОВОРЕННОЕ

въ Каѳедральномъ Чудовѣ монастырѣ, Московской Духовной Семинаріи Ректоромъ, Богословскихъ наукъ Профессоромъ, Ставропигіальнаго Заиконоспаскаго Монастыря Архимандритомъ и Кавалеромъ

Парѳеніемъ.

Марта 8 дня, 1819 года.

МОСКВА.

ВЪ СУНОДАЛЬНОЙ ТУПОГРАФІИ,

1819 года.

Съ одобренія Цензурнаго Комитета, учрежденнаго при Московской Духовной Академіи.

С Л О В О.

Таковъ, сѣтующіе слушатели, таковъ жребій человѣчества; таковъ предѣлъ жизни человѣческой: *всяка плоть яко риза обетшаетъ; завѣтъ бо отъ вѣка: смертію умреши*(а). *Единъ входъ всѣмъ есть въ житіе, подобенъ же и исходъ*(б): *мнѣ вчера, а тебѣ днесь*(в).— Давно ли сіи хладныя, сіи крѣпко къ персямъ прилегшія руки, давно ли подписывали судъ и милость? давно ли воздѣвались о насъ ко Всевышнему, и низводили благодать и благословеніе? Давно ли сіи померкшія очи бодрственно зрѣли на стражѣ стада Хрїстова? давно ли, устремляясь горѣ, препровождали сердечныя моленіи далѣе, далѣе — въ пренебесный жертвенникъ? Давно ли немотствующій языкъ изрекалъ судьбу ввѣреннымъ пастырской власти? Давно ли въ семъ самомъ святилищѣ провозглашая священныя истины, сладостно ободрялъ подвизающуюся доблесть благочестія, грозно обличалъ неистовство душъ законопреступныхъ? Давно ли? . . . Увы! не стало нашего Пастыря! Се—во гробѣ! . . во гробѣ— и сія мертвенность его къ намъ оставльшимся

(а) Сирах. XIV, 18. (б) Прем. VII, 6. Сирах. XXXVIII, 22.

какъ бы взываетъ въ послѣдній разъ: *зряще мя безгласна и бездыханна предлежаща восклачите о мнѣ, и цѣлуйте мя послѣднимъ цѣлованіемъ.* О! плачи, дщи Сіоня, *яко отъя Господь вся крѣпкая твоя отъ среды тебе* (а)! Да изнесутъ горестныя наши сердца, да изнесутъ изъ нѣдръ своихъ воздыханія, яко уже послѣднюю жертву; да изліютъ желанія свои въ напутствіе невозвратно отшедшему отъ страны сея! Миръ праху твоему, миръ души твоей, Дражайшій Пастырь! *Почій отъ трудовъ своихъ!*— Но утѣшимся, Слушатели! добродѣтель, преселяясь въ страну вѣчности, красными стопами печатлѣетъ любезнѣйшіе слѣды на мѣстѣ бытія своего. *Премудрость* добльственныхъ подвижниковъ *повѣдятъ люди, и похвалу ихъ исповѣсть церковь* (б).—Святителю! ты ниспосылалъ святительское благословеніе на проповѣдниковъ Слова; — приникни духомъ твоимъ на насъ, и пріими бесѣду сію, растворенную слезами любви въ воню мvра. — Ты безмолвствуешь: но тѣмъ паче да отверзутся уста мои къ твоему хваленію.

Блажени мертвіи, умирающіи о Господѣ: ей, глаголетъ духъ: да почіютъ отъ трудовъ

(а) Плач. Іер. I, 15. (б) Сирах. XLIV, 14.

своихъ (а). Да почіетъ и нашъ Подвижникъ, по совершеніи многотруднаго поприща, на лонѣ блаженной вѣчности! Ахъ! вся жизнь его была жертвою, принесенною на олтарь Церкви и Отечества; вся жизнь его, отъ первыхъ шаговъ юнаго питомца наукъ до степени Іерарха, — была ознаменована многоразличными, тягостными, безпрерывными подвигами.

Едва юность начала раскрываться въ силахъ и способностяхъ; уже пламенная ревность чрезъ колючіе терны нуждъ и бѣдности повела его отъ трудовъ къ трудамъ, отъ усилій къ усиліямъ. Быстрые успѣхи и зрѣлыя понятія, превышавшія незрѣлость лѣтъ, ознаменовали ревность сію. Достоинства, обратившія вниманіе предержавшихъ властей, облекли его въ достоинство Наставника. Новые подвиги, новыя усилія, и—новое многоплодное преспѣяніе въ совершенствахъ! Здѣсь-то проницательное око приснопамятнаго Пастыря, мудраго Платона прозрѣло въ немъ великія надежды, — зарю славы, имѣвшей сопровождать его въ дальнѣйшемъ шествіи;— Дабы свѣтильникъ паче и паче разливалъ свѣтъ

(а) Апок. XIV, 13.

познанїй, опытный Прозорливецъ поставилъ его на свѣщницѣ. Святилище наукъ, его лучами осіяваемое и согрѣваемое преходило отъ силы въ силу, отъ славы въ славу. Ахъ! сколько тогда образовалось достойныхъ служителей Олтаря и самыхъ Пастырей, возращенныхъ подъ благотворнымъ его вліянїемъ! Таковая неутомимость, таковое рвенїе къ общему благу, сопровождаемыя счастливыми успѣхами, какъ веселили духъ, какъ радовали сердце Мужа совѣта и разума, стяжавшаго столь благопотребный сосудъ! Достоинства и заслуги пріобрѣли полное право на его довѣренность, и содѣлали какъ бы приснымъ. Въ сей-то школѣ опыта, въ школѣ Платона, который, надѣясь въ немъ видѣть достойнаго сотрудника, въ мудрыхъ внушенїяхъ, въ сладостной бесѣдѣ переливалъ въ него, такъ сказать, свои мысли, свои чувства, свой духъ, какихъ не могъ почерпнуть уроковъ для высокой науки жизни и достойнаго правленїя?

Наконецъ волею Вседержавнаго Владыки возванъ на чреду Первосвященства (*) — пасти церковь Господа нашего Іисуса Хрїста и сподвизаться въ

(*) Поставленъ въ Викарія, Епископа Дмитровскаго 7 Февраля, 1804 года.

дѣланіи винограда Божія съ великимъ дѣлателемъ и Пастыремъ. Кому на семъ новомъ и многотрудномъ поприщѣ, кому неизвѣстны его доблести, его ревность къ благоуспѣшному устроенію паствы, ко славѣ всесвятаго имени Божія? Кому не извѣстно его неутомимое трудолюбіе? Не разъ Помазанникъ Божій, АВГУСТѢЙШІЙ МОНАРХЪ съ высоты Престола обращалъ высокое вниманіе на достославное его служеніе; не разъ удостоивалъ ревность и отличные подвиги знаками отличной Своей милости (*).—

Но, слушатели! это только разсвѣтъ славы, ознаменовавшій наконецъ блистательное его поприще. Великій духъ болѣе видѣнъ въ великихъ предпріятіяхъ и среди великихъ опасностей. Пренесемся мысленно въ ту грозную годину искушенія, когда по праведнымъ судьбамъ Божіимъ неисповый врагъ, врагъ вѣры и святыни, съ ужасными полчищами двигнулся противъ дражайшаго Отечества; когда мечемъ и огнемъ низлагая противопоставленныя забрала, съ быстротою опустошительной бури приближался къ самому сердцу Россіи, къ царствующему граду сему. Великій Платонъ! сколь тогда нужно было твое величіе, твоя

(*) 1806 года пожалованъ Орденомъ Св. Анны 1-й степени; а 1807 года бриліантовою Панагіею.

мудрость, твой твердый и неколебимый духъ! — Но—уже ты преклонялся къ западу; твой свѣтъ погасалъ; твои мышцы ослабѣли, и твой Сподвижникъ въ сіи роковыя минуты одинъ несъ бремя правленія; одинъ оставался на стражи при пастві твоей; одинъ на стражи! самъ МОНАРХЪ свидѣтель, какъ онъ бодрствовалъ (*) — Гдѣ только нужно было его присутствіе, его совѣты, его бдительность; вездѣ съ духомъ Пастырской ревности неослабно подвизался; воодушевлялъ унылыхъ утѣшеніемъ вѣры, внушалъ вѣрность и любовь къ Отечеству поучительнымъ словомъ, ободрялъ своимъ примѣромъ; сохранилъ опъ святопастивенныхъ рукъ драгоцѣнные залоги Святыни своею прозорливостію, и тогда только оставилъ стражу свою, когда врагъ былъ почти при ~~прагѣ~~ Столицы. —

Наконецъ разразились перуны раздраженнаго Правосудія Божія. О! кто безъ трепета представитъ тѣ ужасы, когда первопрестольный Градъ, подобно добычи, непрерывъ терзаемъ былъ мечемъ и огнемъ, злодѣйствомъ и святотатствомъ? Святыня

(*) 1812 года во время Высочайшаго пребыванія Государя Императора въ Москвѣ, пожалованъ орденомъ Св: Александра Невскаго.

поругана, олтари раскопаны, *домы* молитвенные превращены *въ вертелы разбойниковъ, мерзость запустѣнія стала на мѣстѣ святѣ.* Боже праведный! казалось, *Ты покрылся облакомъ, да не дойдетъ къ Тебе молитва* (а); казалось и жертва и оумїамъ были ненавистны Тебѣ. *Но неиспытанны судове Божїи, неизслѣдованни путіе Его* (б)! Кто могъ подумать, что градъ, сооруженный вѣками, вѣками украшенный, въ два или три лѣта изъ пепла и развалинъ паки вознесетъ главу свою и возсіяетъ въ своей лѣпотѣ? кто могъ подумать, что обнаженная, поруганная и попранная Святыня паки облечется въ великолѣпїе и славу свою? Благословимъ, слушатели! благословившаго насъ многомилостиваго Господа; благословимъ и сіе священное орудіе, которое избралъ Онъ для совершенія святыхъ судебъ Своихъ! Какія потребны были силы, чтобы вѣковые труды, вѣковые памятники, вѣковое украшеніе, все — низложенное до праха,—возставить, возвысить, обновить и облечь въ подобающую лѣпоту?—Еще не попухъ курящійся пепелъ; еще не остыли слѣды ногъ вражескихъ, и—уже добльственный Подвижникъ, яко Ангелъ утѣшитель, явился на высотѣ освященнаго

(а) Плач. Іерем. III, 44. Римл. XI, 33.

мѣста (*), и сынамъ скорби благовѣстилъ миръ съ Богомъ, праведно раздраженнымъ. Храмы, освященные древностїю, освященные досточтимыми залогами Святыни! вы свидѣтели Пастырскихъ его подвиговъ, его неусыпной бдительности! — Не его ли трудами падшее возставлено, обезображенное украшено, осквернённое освящено? Благодатные стражи града сего! Святителїе Божїи! вы-провозвѣстники его ревности, снѣдавшей сердце о поруганной славѣ Божїей! не онъ ли священные Ваши останки, источникъ нашихъ исцѣленїй, паки явилъ притекающимъ къ Вамъ съ вѣрою, паки возставилъ въ первое достоянїе? Служители олтарей! вы повѣдайте, гдѣ и что не осквернено было врагами вѣры? но гдѣ и что нынѣ не освящено Святительскимъ его благословенїемъ? Слава и честь вашей ревности подвизавшейся по Бозѣ; но вящшая слава Святителю, тако о васъ благоволившему! Слава и честь непреоборимому вашему терпѣнїю! вы рѣшались испить всю чашу бѣдности, и—не оставлять олтарей: но вящшая слава Пастырю—Утѣшителю! всѣ ваши вздохи совокуплялись въ одной груди его, всѣ ваши слезы падали на сердце его. Кто васъ утѣшилъ? Кто васъ ободрилъ? Кто

(*) На лобномъ мѣстѣ.

предстательствомъ своимъ облегчилъ горестную вашу участь? Ахъ! не тяжкая ли многозаботливость о вашемъ жребіи, не чрезмѣрное ли рвеніе о благоустройствѣ паствы, о благѣ церкви — не они ли возрастили зародышъ тлѣнія въ груди его, и истощивъ силы, содѣлали жертвою?—Конечно, Отечество признательное къ отличнымъ подвигамъ (*) украсило его священнѣйшимъ пиѳломъ, сопричислило къ великоименитымъ мужамъ Святѣйшаго сословія, вручило пастырскій жезлъ, наслѣдіе незабвеннаго Платона, Пастыря — отца его: но что понесъ онъ съ собою во гробъ? По крайней мѣрѣ да благословятъ его сердца признательныя, и излiютъ слезы любви на гробъ его? —

Да благословятъ! — Ахъ! кто измѣритъ тягость Пастырскихъ обязанностей, тягость безчисленныхъ попеченій, безпрерывныхъ подвиговъ? Сердцевѣдче! Тебѣ единому извѣстна она! мы только видимъ одну поверхность, одну наружность. Сколько сирыхъ, сколько безпомощныхъ прибѣгало къ нему, дабы успокоиться на отеческомъ лонѣ: и колико-

(*) 1814 года за устройство Эпархіи пожалованъ Архіепископомъ Дмитровскимъ, Членомъ Святѣйшаго Сунода и Архимандритомъ Лавры; 1816 года бриліантовыми знаками ордена Св: Александра Невскаго; 1818 года Архіепископомъ Московскимъ и Коломенскимъ.

кратно сердце его должно было терзаться состраданіельностію? Сколько гонимыхъ искали себѣ защиты подъ Пастырскимъ жезломъ его: и колико-кратно долженъ былъ отражать насиліе силою власти своей? –

Сколько представлялось ему *изнемогшихъ* и *сокрушенныхъ* (а) подъ тягостію грѣховной совѣсти: и какая величайшая для Пастыря обязанность, *подъять* ихъ, возставить живымъ и дѣйственнымъ словомъ Божіимъ, *обязать* раны сердечныя вся покрывающею Благодатію Христа Спасителя? Сколько *болящихъ*, съ трепетнымъ духомъ ожидавшихъ праведнаго гнѣва Божія! и—*уврачевать* ихъ елеемъ всецѣлебнаго Его милосердія? Сколько *заблуждающихъ*: и *обратить* ихъ на путь спасенія, проповѣду? Слово благовременнѣ и безвременнѣ, обличая, и умоляя со всякимъ долготерпѣніемъ? Сколько *погибшихъ*, которые, *расточивъ имѣніе* великодаровитаго Господа, *гибли гладомъ на странѣ* разврата и нечестія: и *взыскать* ихъ, и *вселить на мѣстѣ злачнѣ*—при *источникѣ воды живыя, въ царствѣ любви Сына Божія?* Но не симъ еще ограничиваются Пастырскія обязанности. Сколько

(а) Iезек. XXXIV, ст. 4.

домогательства, случаи и предстательства сильныхъ противоборствовали безпристрастїю и правосудїю: и какая потребна твердость духа, чтобы счастливо выдержать борьбу съ сицепрїятїемъ? Сколько подлое ласкательство, клевета, ложь и беззаконїе святотатственно подкрадывались подъ священныя права: и всевидяще ли ока сына персти? всеобъемлющь ли слухъ? всевѣдущь ли умъ? Но— *лукаво и непроницаемо сердце человѣка* (а): и *кто познаетъ его?* Единъ *духъ премудрости, создавый дыханїе всѣмъ, сей вѣсть всяческая* (б). Единъ *Онъ, сквозѣ вся проходяй духи разумныя ради своея чистоты* (в); единъ *Онъ внутреннихъ человѣка свидѣтель есть, и сердца его испытатель истиненъ, и языка слышатель* (г); Единъ Господь кромѣ грѣха, и правда Его правда во вѣки: но человѣкъ, яко человѣкъ, аще и *праведникъ, седмижды на день падаетъ*; и токмо *Любовь покрываетъ множество грѣховъ*!

Благословимъ, сѣтующїе Слушатели! признательными сердцами, симъ послѣднимъ цѣлованїемъ, благословимъ память, въ Богѣ почившаго

(а) Іерем. XVII, 9. (б) Притч. [illegible].
(в) Прем. VII, [illegible] тамже 1 и 6.

Пастыря за Его сыпныя о нашемъ благѣ попеченія, за всѣ подвиги, во славу Церкви и Отечества подъятые; и якоже вѣруемъ, что *Агнецъ Божій, вземляй грѣхи міра*, взялъ и его грѣхи, омытые слезами сердечнаго исповѣданія, слезами умилительной молитвы и освятилъ духъ и сердце причастившіяся Животворящихъ и Пречистыхъ Таинъ Божественнаго Тѣла и Крови своей — вѣруемъ, и сей вѣрою, слезами сердечной любви, искреннѣйшими благожеланіями, самою животворящею Крови, *отъ всякаго грѣха очищающею*, будемъ молить, и молить непрестанно Его неизреченную благость и человѣколюбіе, да введетъ душу раба Своего, нашего дражайшаго Пастыря, да введетъ въ радость небесную, и сподобитъ вину наслаждаться всеблаженнымъ и всерадостнымъ Своимъ лицезрѣніемъ! Аминь.